

О.Б. Христофорова

Гадание как моделирование событий (к вопросу о программирующей функции ритуала)

В общепринятом смысле гадание – это особое магическое действие, направленное на предсказание грядущих событий. Основной прагматической функцией гадательных паремий принято считать прогностическую функцию¹. Следует, однако, отметить, что, пожалуй, в любой культуре существуют гадания, направленные на выяснение причин уже свершившихся событий, например, смерти человека (подобное гадание было неотъемлемой частью похоронного обряда многих народов Сибири²). То, что гадания такого типа, отвечая на вопрос «что произошло?», задают определенную интерпретацию события и таким образом ретроспективно «формируют» его, представляется достаточно очевидным. На мой взгляд, схожую функцию выполняют и гадания, ориентированные на будущее: их назначение и смысл для носителей архаической (дописьменной) культуры, как я попытаюсь показать в этой статье, – не столько в предвидении уже предначертанных событий, сколько в моделировании, «создании» этих событий. Материалом для анализа служат гадания народов Сибири, сохранившие архаичные черты (о которых ниже) и зафиксированные исследователями в живом бытовании.

Гадание в своей архаической форме (и это хорошо прослеживается на сибирском материале) представляет собой ситуацию общения человека с персонажем актуальных верований (духом-хозяином огня, промысловых животных, местности и т.д.), причем человек выступает в роли просителя (и получателя) некой необходимой ему информации, а дух – в роли отправителя этой информации. Иными словами, гадание может быть рассмотрено как акт коммуникации, своего рода «разговор», причем сообщения, которыми обмениваются взаимодействующие стороны, могут быть построены с помощью знаков различной природы: так, наряду с вербальным кодом используются акциональный и вещный коды (замечу,

¹ Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сборник статей памяти В.Я.Проппа. М., 1975. С. 256.

² См., например: Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959 (ТИЭ. Т. 51). С. 144. На этом основании доминантную прагматическую функцию гаданий следует, видимо, назвать не прогностической, а информативной. Это, в частности, позволило бы рассмотреть с единых позиций все гадания, независимо от их временной ориентации.

что для духов акциональный код, как правило, единственно возможный способ выражения).

В наиболее полном виде данная интеракция состоит из трех последовательных звеньев: просьбы человека об информации, получения ее и платы за информацию. Необходимо уточнить, что речь идет о формальной схеме гадания, тогда как в каждом конкретном случае звенья могут меняться местами или опускаться. Рассмотрим возможные варианты реализации данной схемы.

1. Человек просит духа об информации в ответ на свой дар духу (просьба об информации и плата за нее предшествуют ее получению). Так, нанайские «охотники, ложась спать во время промысла, бросают в костер богу огня кашу или мясо, прося его дать хороший сон (т.е. сообщить во сне, где лучше искать зверя. — *О.Х.*)»³. В некоторых случаях просьбе об информации сопутствует обещание будущего угощения. Например, нганасаны, обращаясь к духу деревянного крюка *фо*, на который подвешивался котел в чуме, с просьбой показать во сне пути диких оленей или место, где находятся потерянные домашние олени, говорили: «...погадай. Тогда близко к еде будешь. Тогда запахом мяса будешь ты сыт»; «Тебя тоже кормить будем»⁴.

2. Человек одаривает духа после получения информации. Например, если огонь предсказывал удачу на охоте, и человек действительно добывал оленя, он кормил огонь, говоря: «Вот, Огонь-Мать, тебе пай – ты сказала, что промыслять будем» (нганасаны)⁵. Если огонь правильно предсказывал, в какой стороне следует искать пропавших оленей, и их находили, нганасаны одного из них помечали тамгой духа-хозяина огня⁶.

3. Человек получает от духа информацию в ответ на свой дар (опущена просьба). Весной, после таяния льда, якуты «кормили» духа-хозяина воды – брызгали сливки, говоря: «Хозяин озера, кушай!», затем ворожили, трижды бросая вверх деревянный ковш, которым разбрызгивали сливки. Если ковш падал вогнутой стороной вверх – предвещал счастье, если выпуклой – несчастье⁷.

4. Информация предоставляется человеку по его просьбе (отсутствует плата). Нганасаны гадали о судьбе человека следующим образом: грудную кость куропатки клали в огонь очага со словами: «Огонь-Мать, мать матери моей, посмотри хорошенько мою дорогу». После того, как кость нагревалась, ее вынимали и обращали выемкой на юг. Если кость

³ Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // ЭО. 1897, № 3. С. 17.

⁴ Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. М., 1996. С. 179; *Он же*. Нганасаны. Система жизнеобеспечения. М., 1992. С. 104.

⁵ Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. С. 129-130.

⁶ Попов А.А. Нганасаны. С. 62.

⁷ Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа // СМАЭ. Т. 11, М. - Л., 1949. С. 275-276.

выгибалась от гадальщика, считалось, что его ожидает беда⁸. С помощью огня нганасаны гадали и о пропажах. Так, если терялся олень, брали тонкую палочку, заостряли ее конец, а середину настругивали. Воткнув палочку в снег или землю, зажигали стружки. При этом просили духа-хозяина огня помочь найти оленя. В той стороне, куда падал конец палочки, следовало искать пропавшего оленя⁹. По представлениям манси, одна из душ человека покидает тело за год до смерти и существует в облике кукушки. Когда кукует кукушка, ее просят: «Если ты моя душа, то замолчи!». «Если кукушка оказывается душой этого человека, она замолкает, что свидетельствует о скорой его смерти»¹⁰. Нганасаны обращались к своим фетишам *фала-койка* с просьбой «пойти» поискать диких оленей, пропавших домашних оленей, унесенную течением сеть, лодку и пр. и сообщить во сне человеку, где они находятся¹¹.

Обращает на себя внимание, что в подобных случаях человек получает информацию от близких ему духов – от хозяина очага, духов-охранителей (т.е. от тех, кому он регулярно совершает приношения), наконец, от собственной души. Видимо, поэтому специальной «платы за информацию» в таких случаях не требуется.

5. Получение информации не предваряется вербальной просьбой о ней, плата также отсутствует. Этот вариант наиболее близок по своей структуре приметам, с той лишь разницей, что «прогнозирующая ситуация» создается самим человеком. Гадания, имеющие такую редуцированную форму, как правило, сопряжены с календарными и переходными ритуалами либо с другими особо отмеченными временными периодами, во время которых, как считается, исчезает или истончается граница между миром людей и миром духов, что облегчает доступ к информации. Например, во время святок якуты ворожили так: «ночью выходили и падали навзничь на гладкий снег. Если следа не оставалось и снег бывал таким же гладким, как и до этого, – к смерти»¹². По окончании медвежьего праздника мансийские охотники стреляли из лука вверх с закрытыми глазами. Если кто-нибудь попадал в среднее бревно крыши юрты, считалось, что он скоро убьет медведя¹³. Ханты во время лунного затмения втыкали в землю два ножа. Если один из них падал, говорили: «В той половине земли сильная болезнь ходит»¹⁴. У чукчей на третий день после родов возле новорожденного собирались старухи и определяли, кто из предков в нем возродился. Они называли имена умерших, и если при произнесении очередного имени ребенок успокаивался,

⁸ Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. С. 130.

⁹ Попов А.А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984. С. 62.

¹⁰ Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров. С. 129-130.

¹¹ Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. С. 85-86.

¹² Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа. С. 298.

¹³ Источники по этнографии Западной Сибири / Сост. Лукина Н.В., Рындина О.М. Томск, 1987. С. 266.

¹⁴ Материалы по фольклору хантов / Сост. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Томск, 1978. С. 184.

переставал плакать, нарекали им младенца, считая, что возродился данный человек¹⁵ – в этом случае просить духа об информации не нужно, видимо, еще и потому, что дух (душа предка) сам «заинтересован» в получении людьми этой информации.

Есть, однако, примеры, говорящие о необязательной приуроченности гаданий данного типа к ритуальным ситуациям. Так, по свидетельству И.А.Худякова, «всякий якут при удобном случае, желая знать будущность, бросает монету, шапку... или другую какую-нибудь вещь; если она "сядет", т.е. упадет как следует, то к счастью, если набок, то к несчастью»¹⁶.

Необходимо заметить следующее. Хотя во многих случаях гадание не сопровождается обращенной к духу вербальной просьбой об информации, все же человек, как кажется, выражает эту просьбу акционально: он начинает некоторое действие, предлагая духу закончить его. Показательно в этом смысле, что человек как бы устранивается, делает вид, что не он совершает действие: стреляет с закрытыми глазами, бросает предмет в воздух или втыкает его в землю и т.п. То, что движением предмета в пространстве руководят духи, особенно отчетливо осознается в гадании шамана с помощью колотушки бубна, медвежьей лапы, топора, ножа. Гадание шамана часто предварялось угощением духов, обращенной к ним просьбой сообщить нужные сведения о прошлом или будущем, но могло и не включать в себя эти звенья, особенно когда шаман гадал с помощью материальных предметов. Но и в таких случаях считалось, что информация исходит от духов¹⁷. Отсутствие специальной «платы за информацию» в последнем случае можно объяснить постоянной заботой шамана о своих духах-помощниках, а также тем, что заказчик гадания обычно расплачивался с шаманом как посредником при общении с духами.

Итак, рассмотрение вариантов реализации в гаданиях схемы «просьба об информации – получение ее – плата за информацию» приводит к следующим выводам. Варианты 1-2 (схема реализована полностью) и 3 (опущено первое звено) демонстрируют, что обязательное условие получения человеком необходимой информации – это плата за нее. Гадания оказываются проникнутыми отношениями обмена: человек обязан отплатить за предоставленные ему сведения. В вариантах 4 (опущено последнее звено) и 5 (схема максимально редуцирована) особой платы не требуется, т.к. гадание либо происходит в ситуациях взаимодействия человека с теми духами, которых он «кормит» регулярно (духом-хозяином

¹⁵ Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (конец XIX - XX век). М., 1993. С. 288-289.

¹⁶ Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 397. Следует, однако, иметь в виду, что И.А.Худяков находился в Якутии в ссылке (1860-е гг.) и мог работать только среди жителей г. Верхоянска. Поэтому, возможно, данный пример не показателен для якутской традиции и говорит, скорее, о деградации последней в городской среде.

¹⁷ См.: Попов А.А. Нганасаны. С. 80; Долгих Б.О. (сост.) Бытовые рассказы энцев. М., 1962 (ТИЭ. Т. 75). С. 76.

очага, духами-охранителями), либо сопряжено с особо отмеченными временными периодами и ситуациями, когда информация, так сказать, «распространяется бесплатно».

Обратимся к вопросу о том, что собой представляет «плата за информацию». На мой взгляд, внимательное рассмотрение именно этого звена схемы позволяет утверждать, что гадающий не столько стремится узнать предначертанное, сколько моделирует будущие события.

Итак, «плата за информацию» – это прежде всего плата за помощь. Действительно, показывая человеку во сне лучшие промысловые угодья, сообщая, где искать пропажу, дух помогает человеку. Сама просьба об информации могла звучать как просьба о помощи (так, перед гаданием о пропавшем олене нганасаны просили духа-хозяина огня помочь найти пропажу; у них же считалось, что шаман может попросить духа деревянного крюка *фо* посодействовать его хозяину на охоте. Говорилось при этом: «Теперь этому человеку погадай. Тогда близко к еде будешь...»¹⁸). Более того, человек перед гаданием мог просить духа о благополучии, о счастье, а суть гадания заключалась в том, чтобы узнать намерения духа: поможет он или нет. Например, нганасаны следующим образом гадали об удаче в промысле: срезали нижние концы гусиных перьев, вкладывали их друг в друга так, чтобы получилась длинная трубочка, на верхнем конце ее оставляли перышко. Трубочку (*койка*) втыкали в землю и, обращаясь к ней, говорили: «Дикого оленя дай! Счастье дай!». Если палочка через некоторое время наклонялась в сторону солнца – это значило, что будет удача, будут дикие олени, мольба считалась услышанной. Если *койка* падал – это означало, что удачи не будет. Нганасаны так объяснили А.А.Попову действие *койка*: «Это как бы телеграф, через него мы у верхних божеств испрашиваем счастье... и оно нисходит по палочке»¹⁹. В этом толковании показательны два момента. Во-первых, становится очевидным, что носители традиции видят в материальном предмете, используемом в гадании, посредника при общении с божествами. Во-вторых, восприятие позитивной информации как «счастья», которое «нисходит по палочке» (т.е. как действенной помощи, а не просто предсказания), свидетельствует, что при интерпретации в сообщении выделялись прежде всего его модальные аспекты, т.е. наиболее важной считалась информация о намерениях партнера по взаимодействию; грядущие счастье или беда связывались, таким образом, с активными действиями этого партнера.

Следует также иметь в виду, что гадание во многих случаях оказывается направленным не просто на получение человеком информации, но на получение информации позитивной. В таком случае услуга человека духу, предваряющая гадание, имеет своей целью обеспечить благоприятный результат гадания, а вместе с ним – и будущее благополучие, которое, по сути, является «отдарком» духа.

¹⁸ Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. С. 179.

¹⁹ Попов А.А. Нганасаны. С. 59.

Обещание человека отплатить позже могло не выполняться в том случае, если ответ был негативным или предсказание не сбылось (т.е. помощь не была оказана и, следовательно, от человека не требовался ответный дар).

В свете изложенной гипотезы становится понятным и такой момент: часто сам вопрос задается таким образом, чтобы полученный ответ был положительным. Иногда этой же цели подчиняют выбор момента для гадания. Например, у якутов девушка так гадала о своей судьбе: «берет уголек с пеплом, положит его на ноготь и говорит: "Направься ты в ту сторону, куда мне замуж выйти; если умру я, **взлети** кверху, а если не выйду замуж, **крутись** туда и сюда". Выходит в **безветреную тихую погоду** и пускает пепел на воздух»²⁰ (выделено мной. – О.Х.).

То, что гадалщиком движет стремление не узнать, а «создать» будущее, причем будущее благополучное, отчетливо демонстрируют способы противодействия нежелательному прогнозу при гадании. Так, получив негативную информацию, человек либо отказывался принять сообщение, а вместе с ним и грядущую беду (например, гадая об удаче в промысле, нганасаны клали на горячие угли грудную кость птицы. Если гребешок кости изгибался в сторону огня, считалось, что будет добыча. При этом гадающий клал кость себе на голову. Если гребешок изгибался в противоположную от огня сторону, кость разламывали и бросали, говоря: «Разве это действительно что-либо будет означать?»²¹), либо человек утверждал, что сообщение было искажено при передаче (например, если при гадании ковш падал выпуклой стороной вверх, что предвещало несчастье, якуты говорили: «Неровность ударила, корень пнул!»²²). Также гадалщик, не удовлетворенный прогнозом, мог продолжать гадание до тех пор, пока не получит позитивную информацию: здесь человек как бы «заставляет» духов дать положительный ответ. Например, у якутов, «если ложка падет "навзничь", то, во избежание горя, шаман бросает ее до тех пор, пока она не "сядет, как следует"»²³.

Таким образом, как я попыталась показать, смысл и назначение гадания (по крайней мере, его архаической формы, характерной для дописьменной культуры) состоит не столько в предвидении грядущих событий, сколько в моделировании будущего благополучия. Этот процесс моделирования имеет форму коммуникативного акта, своего рода «диалога» или обмена дарами между гадалщиком и персонажем актуальных верований, причем будущее благополучие человека напрямую зависит от благополучного течения данной ситуации взаимодействия, т.е. от правильного коммуникативного поведения гадалщика.

Этому положению, на первый взгляд, противоречат широко распространенные у народов Сибири представления, согласно которым судьба человека определяется в момент или

²⁰ Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. С. 197.

²¹ Попов А.А. Нганасаны. С. 62.

²² Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа. С. 276.

²³ Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. С. 266.

даже до его рождения²⁴. Однако противоречие здесь только кажущееся. Дело в том, что судьба новорожденного – его здоровье, благополучие, предназначение и даже отмеренный ему божествами срок жизни – во многом зависит от поведения семьи младенца по отношению к этим божествам, в частности, от соблюдения всех элементов родильной обрядности.

Так, якуты после обмывания новорожденного наливали в огонь много масла и на горячие угли клали лепешку, говоря: «Наделите ребенка счастьем! Если ты прибыла, айыысыт (покровительница рожениц. – *О.Х.*), уходи обратно не голодная!». Затем обращались к духу-хозяину очага, прося его оберегать ребенка. Повторяли это несколько раз в течение трех дней. Если чад от масла при этом оставался в доме, считалось, что ребенок выживет, если же выходил через трубу, – умрет. Затем убивали для духов корову и ее мясом щедро угощали всякого пришедшего человека, кто бы он ни был. На третий день после родов устраивалось пиршество для всех собравшихся гостей²⁵.

О том, как соблюдение этих обрядов влияет на предрешение судьбы новорожденного, ясно говорится в якутской легенде, где их смысл показан «с точки зрения духов»:

«Когда-то, очень давно летом, один промышленник расположился на ночлег под тенистой березой и ночью, пробудившись от сна, увидел перед собою на поляне много маленьких человечков и среди них седую старуху. Путник из разговоров догадался, что седая старуха есть Айыы Нэлбэрдян (божество, определявшее судьбу новорожденных. – *О.Х.*), а маленькие человечки – хозяева трав и деревьев.

Айыы Нэлбэрдян говорила, что поблизости родился мальчик и ему необходимо предрешить судьбу, но, к сожалению, исполнить это она сама не может, так как охраняет покой спящего, и вместо себя посылает их – хозяев трав и деревьев. Последние согласились и ушли, а путник заснул.

Этому промышленнику дня через три снова пришлось заночевать на том же месте. И вот рано утром он опять услышал разговоры. На этот раз хозяева трав и деревьев передавали хозяйке земли свое определение судьбы новорожденному. Они говорили: "Мы положили умереть ему на восемнадцатом году жизни от поранения ноги обломком кости". Айыы Нэлбэрдян спросила: "Щедрое ли было угощение гостей и возлияние масла на огонь" – и, получив утвердительный ответ, сказала: "Плохо сделали, вот жаль-то, что не пошла сама, я поступила бы не так"»²⁶.

Таким образом, выясняется, что и предрешение судьбы новорожденного во многих случаях зависит от выполнения его родственниками правил взаимодействия с божествами, от учета ими интересов и ожиданий последних. Приведенный текст, эксплицируя эти ожи-

²⁴ См.: Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск, 1979. С. 21; Попов А.А. Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 32; Грачева Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. С. 44-67.

²⁵ Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа. С. 304-305.

²⁶ Там же. С. 271-272.

дания, объясняя смысл родильных обрядов с «точки зрения» их адресатов – духов, тем самым обосновывает необходимость обрядов. С другой стороны, этот же текст свидетельствует, что и соблюдение всех «формальностей» не гарантирует, тем не менее, счастливой судьбы новорожденному. В чем тут дело? Одно из возможных объяснений этого парадокса состоит в том, что архаическое мышление, которому, вообще говоря, свойственна строгая, статичная связь причины и следствия, действия и противодействия, оставляет, тем не менее, место динамике, некоторому «произволу». В данном тексте отчетливо показано, что и духи могут ошибаться; точно так же и человек, нарушающий запреты, может навлечь на себя гнев духов и вследствие этого потерпеть неудачу или погибнуть, не дожив до установленного ему срока.

Для архаической культуры характерно, видимо, представление о необязательности, нестрогости исполнения однажды предначертанного: оно зависит как от поведения человека, так и от настроения духов, в том числе и при каждом новом гадании.

Боязнь навлечь на себя гнев духов и вследствие этого получить неблагоприятный прогноз, а вместе с ним – будущую беду, лежит, вероятно, в основе представления о гадании как о занятии весьма опасном. Так, по свидетельству А.А.Попова, нганасаны «панически боятся прибегать к нему (гаданию на лопатке дикого оленя. – *О.Х.*), предпочитая не знать о своем будущем»²⁷. У эвенов считалось, что «несовершеннолетний юноша или девушка не должны смотреть на обожженную лопатку оленя, которая может указать дорогу (по которой гадали перед перекочевкой). Гаданием на лопатке они могут заниматься только после смерти своих родителей, старших родственников, или при безвыходности положения»²⁸.

Очевидно, что здесь мы обнаруживаем другой вид «платы за информацию»: речь идет не об одаривании духа за оказанную помощь, а о «расплате» гадальщика за неправильное коммуникативное поведение. Показательные примеры дает якутский материал:

1) «Ставили на стол жернов и на нем мололи иголку; один из принимающих участие в гадании ложился под стол и слушал. Стук жернова слышался голосом человека, предсказывающим будущее. Но это, якобы, было сопряжено с большой опасностью для жизни: достаточно было чуть пошевелинуться или кашлянуть лежащему, чтобы он сейчас же умер»²⁹.

2) Человек прячется на сеновале. Ночью около него привязывают двух коней. Кони сначала предают проклятию того, кто подслушивает их разговор, затем начинают говорить между собой человеческим языком, предсказывая судьбу своих хозяев и их близких. Если

²⁷ Попов А.А. Нганасаны. С. 62.

²⁸ Едукин Е.В. Обычаи и запреты-обереги эвенов Аллаиховской тундры // Айвэрэттэ. Вып. 8. Анадырь, 1992. С. 44.

²⁹ Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа. С. 298-299.

спрятанный как-нибудь обнаружит свое присутствие, то его смерть неизбежна из-за проклятия коней³⁰.

В этих примерах обращает на себя внимание поведение гадающего – он прячется, подслушивает. Эти предикаты являются ключевыми для подобных гаданий (ср. общее название для якутских гаданий, приуроченных к русским святкам, – *Танха иһиллиир* – «подслушивание Танха»; Танх – божество, предопределяющее судьбу человека³¹). На мой взгляд, это означает, что носители традиции воспринимали подобные гадания как вторжение в чужой «разговор», как своего рода «перехват» информации, не предназначенной человеку. Соответственно, и «платили» (точнее, «расплачивались») в таких случаях именно за вторжение в те сферы, доступ в которые закрыт для простого человека. В связи с этим представлением можно поставить убеждение, согласно которому проникновение в дела и намерения духов опасно для человека, не обладающего шаманским даром. Считалось, что это позволено только особым людям, которых сами духи избрали на роль посредников³².

Иными словами, гадание безопасно для человека в тех случаях, когда последний является полноправным участником коммуникативного акта, когда сообщение адресуется именно ему. Вторжение в чужой «разговор» сопряжено с опасностью: обнаружившего свое присутствие человека наказывают те, чей «разговор» он подслушал.

С другой стороны, безопасность получения человеком информации связана, видимо, и с характером последней: как правило, духи «предоставляют» по своей инициативе (приметы) или по просьбе человека (гадания) действительно актуальную, так сказать, утилитарную информацию. Человеку же хочется знать больше. О ненужности, даже вреде «лишнего знания» и говорит, видимо, представление об опасности, связанной с гаданием.

Итак, оказывается, что гадания обнаруживают свою близость, с одной стороны, к приметам (с той лишь разницей, что примета – это предоставление человеку информации, не спровоцированное просьбой о ней), а с другой стороны – к ритуалам общения с духами (в самом широком смысле). В чем же отличие гадания от других ритуалов? Специфика гадания, как представляется, заключается в двух моментах: во-первых, коммуникация оказывается двусторонней именно в момент гадания: на вопрос немедленно следует ответ (если духи «не расположены» отвечать, гадание прекращается); и, во-вторых, специфична прагматическая функция гадания, которая состоит в получении человеком информации, необходимой ему для моделирования дальнейшего поведения.

Эта функция гадания, на мой взгляд, вполне осознавалась носителями традиции. Так, по якутскому поверью, злые духи *аббасы*, живущие на уродливых деревьях, «имели обыкновение предсказывать будущее ночным проезжающим, причем все события передавали наоборот: так, если кому суждено умереть, говорили, что он проживет долго; если кому

³⁰ Кулаковский А.Е. Научные труды. С. 81.

³¹ Там же. С. 80.

³² См.: Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. С. 178-179.

предстоит потерпеть неудачу, говорили, что он будет счастливым»³³. В этом поверье содержится предупреждение о том, что нужно внимательнее относиться к предсказаниям, различать «источники информации»; пренебрежение последними может запутать человека, заставить его совершать ошибки.

³³ *Попов А.А.* Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа. С. 265-266.